сожительницей некоего священника. Прослушав проповедь о карах, угрожающих грешникам в геенне, эта женщина в смятении спросила священника: что́ ожидает сожительниц духовных лиц? Тот в шутку отвечал: «Ничто не спасет их, разве что войдут они в печь огненную». Поняв эти слова буквально, она залезла в затопленную печь и сгорела. Видели, как из трубы вылетела белоснежная голубка, а на ее могиле по ночам сами собой зажигались свечи (D. M., VI, 35). Другой рассказ интересен, как нам кажется, в том отношении, что под пером какого-нибудь гуманиста он, несомненно, получил бы совершенно иное толкование, как свидетельство жадности и чревоугодия, которым охотно предаются духовные лица. Для того чтобы возвратить монастырю скот, несправедливо отнятый жившим по соседству магнатом, аббат послал к нему монаха. Магнат пригласил его отобедать. За трапезой гость налегал на мясные блюда, хотя признал, что монахам запрещено есть мясо. Нарушение им запрета простец объяснил так: «Когда мой аббат послал меня сюда, приказал он, чтобы я не отказался от той толики нашего скота, какую сумею вернуть. И так как предложенное мне мясо, несомненно, монастырское, то, опасаясь, что вернуть из утраченного удастся мне лишь столько, сколько ухвачу зубами, я из послушания поел, дабы не возвращаться мне совершенно пустым». Господь не отвергает простеца, прибавляет Цезарий, и магнат, тронутый простодушием монаха и боясь кары божьей, возвратил отнятое. Вот пример того, заключает рассказчик, как поступок, сам по себе дурной, вследствие добрых намерений простеца обернулся добрым делом (там же, VI, 2). Юмор происшествия не скрыт от автора, он называет эту историю «столь же веселой, сколь и чудесной», но смешная и развлекательная сторона его рассказов никогда не является самостоятельной,— она неизменно подчинена целям нравоучительным.

Невежество иных священников было поистине поразительным, не вызывая тем не менее осуждения. Кельнский каноник Веринбольд был столь прост, что не умел считать; он мог лишь отличать предметы, образующие пару, от нечетных. Висевшие на кухне у него окорока он считал так: «Вот окорок и его товарищ, вот еще окорок и его товарищ» и т. д. Слуги пользовались его невежеством, крадя окорока, и он был способен обнаружить пропажу только в том случае, если крали один окорок. Не был ли Веринбольд скорее глупцом, нежели простецом? Автор отвергает это подозрение: господь благословил его простоту (там же, VI, 7).

Наиболее эффективным способом воспитания паствы духовные авторитеты считали конкретный, живой пример. Легенды о святых, церковные поучения, проповеди переполнены примерами из жизни праведников. Но святые среднелатинской литературы нередко ведут себя довольно своеобразно. Христианское всепрощение далеко не обязательно для них. Таковы, в частности, многочисленные эпизоды, когда святые во гневе прибегают к побоям, расправе, дабы вразумить уклоняющихся от пути праведного или недостаточно почтительно обращающихся со своими патронами. Иоанн Креститель так пнул ногой боннского каноника, не склонявшего головы перед посвященным святому алтарем, что тот заболел и умер (D. M., VIII, 52). Дрался святой Аустригизиль, епископ буржский (Vita Austrigisili, 10), прибегал к рукоприкладству святой Никита Лионский (S. Greg. Turon. Vitae patrum, VIII, 5). Небесные покровители церквей и монастырей не ленятся покидать райские кущи для того, чтобы подвергнуть страшным карам лиц, посягавших на подаренные им владения. Иные святые готовы ввязаться в земные распри и тяжбы, дабы отстоять интересы посвященной им церкви. Церковные авторы явно экстраполируют свои собственные нравы на поведение святых и мучеников, именем которых они правят населением. Не менее агрессивно ведут себя в некоторых случаях даже богоматерь и сам Христос. Когда два игрока начали богохульствовать, причем один из них затронул в своих поношениях бога и мать его, раздался вдруг глас: «Нанесенное мне оскорбление я бы как-нибудь и